

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

О ДИН ВПОЛНЕ уважаемый мною адвокат как-то в 60-е годы признался: «Вы можете меня презирать, но говорю откровенно: я боюсь». Я не презираю его. Такое было тяжелое время.

Для адвокатов оно началось значительно раньше 60-х годов. В 1917 году наряду со многими другими институтами была временно распущена и коллегия адвокатов. И все же если до середины 30-х годов можно было говорить о какой-то состязательности в уголовных процессах, то впоследствии роль адвоката и в уголовных, и тем паче в политических процессах была сведена к чистой фикции. Это сказало не только в годы сталинского террора, но и позднее — вплоть до начала 80-х, когда трехминутное стояние на площади с плакатом «Свободу слова! Свободу Сахарову!» заканчивалось для смельчака семью годами лагерей. Так, например, произошло в Махачкале с Вазифом Меелановым, отбывшим свои семь лет «от звонка до звонка».

ЗАЩИЩАТЬ правозащитников решались очень немногие, поскольку полноценное и принципиальное участие в политическом процессе требовало от адвоката не только профессионализма, но и обнажения собственной гражданской позиции. И в тех условиях каждый из нас прекрасно понимал, чем это чревато. Поэтому многие под различными предлогами отказывались от участия в таких делах. Другие соглашались, но лепетали в судах жалкие слова о смягчении наказания людям, не признающим себя виновными, хотя это противоречило не только адвокатской этике, но и закону — презумпции невиновности! Напомню, что хорошие московские адвокаты, защищавшие Даниэля и Синявского, просто не решились выразить в суде свою позицию по делу и просить об оправдании их подзащитных, не признававших себя виновными по статье 70 — антисоветская агитация и пропаганда. Они лишь сказали, что у их подзащитных не было умысла на подрыв и ослабление Советской власти, и попросили суд учесть сказанное при вынесении приговора. Конечно, это было результатом давления на них, но многое, безусловно, зависело от степени послушности и страха самих адвокатов.

Власти предельно «упростили» проблему с адвокатами по политическим делам: по неписаному закону к защите по статье 70 допускались не все защитники, а только имеющие «допуск», то есть включенные в списки, согласованные с КГБ. Я, например, как и ряд моих коллег, занимавших в суде принципиальную позицию, этого «допуска» не имела. Но мы могли защищать по статьям 190¹ и 190² (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, и организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок). Позднее «допуск» требовался и по ним. Практически бесправие адвокатов оборачивалось полной беззащитностью подсудимых в процессах.

Не знаю об адвокатах из других городов, но среди московских немногие решались на принципиальную и независимую защиту «политических». Это были люди, сделавшие свой выбор, зная цену и заплатившие ее сполна. Это относится к Борису Золотухину — одному из лучших наших адвокатов. Свою защиту Александра Гинзбурга он начал словами: «Товарищи судьи, я имею честь защищать Александра Гинзбурга». Его обвиняли в антисоветской агитации и пропаганде за составление и распространение самиздатского сборника материалов по делу Даниэля и Синявского — так называемой «Белой книги». Фактически ему вменялась 70-я статья за то, что он позволил себе не согласиться с осуждением невиновных людей. За свою принципиальную и с правовой точки зрения абсолютно обоснованную защиту Гинзбурга Борис Золотухин был исключен из Московской коллегии адвокатов в конце 60-х и восстановлен лишь спустя 20 лет (!) — в прошлом году.

Дину Каминскую — талантливого и смелого адвоката — вынудили уйти из адвокатуры. У нее провели обыск, пригрозили привлечением к уголовной ответственности, а в конце концов просто заставили покинуть страну.

С О МНОЙ поступили проще и «гуманнее»...

1967 год — мое первое дело по статье «за активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок». Судили рабочего Хаустова за участие в митинге в защиту арестованных по делу Гинзбурга. В перерыве перед защитительной речью меня вызывает секретарь суда в совещательную комнату. Там — судья, заседатели, прокурор и некто в штатском... Судья меня спрашивает, что я собираюсь говорить. Я отвечаю: «Вы услышите это через десять минут». «Штатский» замечает, что лучше договориться об этом сейчас. Я, разумеется, отказываюсь. Через несколько минут в своей речи я обоснованно доказываю отсутствие состава преступления в действиях Хаустова и прошу

И сегодня, после почти тринадцати лет вне адвокатской практики, Софья Калистратова остается одним из наиболее уважаемых московских адвокатов. 33 года в адвокатуре — до вынужденного ухода в 1976-м. Защита в политических процессах правозащитников Хаустова, Делоне, Горбаневской, Яхимовича, генерала Григоренко... Участие в Хельсинкской группе — до ее роспуска в 1982-м. Висящее над ней 7 лет уголовное дело, прекращенное в 1988-м. В ее судьбе отразилась история развития правозащитного движения в СССР в 60—80-е годы. Сегодня эта уже немолодая женщина считает своим долгом участвовать в восстановлении справедливости в отношении всех необоснованно осужденных правозащитников тех лет.

ТАКОЕ БЫЛО ТЯЖЕЛОЕ ВРЕМЯ

Вспоминает адвокат советских правозащитников

Софья Калистратова со своим подзащитным генералом Григоренко.

оправдательного приговора. Приговор — три года лишения свободы.

1968 год — суд над участниками демонстрации на Красной площади (семь правозащитников протестовали против ввода войск в Чехословакию). Их арестовали у Лобного места, где они сидели с плакатами. На одном, например, был написан безумно «криминальный» лозунг: «За вашу и нашу свободу». Одна из участниц демонстрации — Наталья Горбаневская — вышла на площадь с грудным ребенком в коляске. Дело на нее прекратили и оставили ее на попечении матери и под надзором районного психиатра. Другому участнику — Виктору Файнбергу — во время задержания выбили зубы, и выводить его на суд было неудобно. А потому дело на него выделили, судили его отдельно и поместили в спецпсихбольницу. Пятеро остальных — Павел Литвинов, Лариса Богораз, Константин Бабицкий, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга — были переданы суду по статьям 190¹ и 190². Их защищали адвокаты Каминская, Поздеев, Монахов и я. За несколько дней до суда меня вызвали в президиум коллегии адвокатов, и председатель и его заместитель, ссылаясь на указания «сверху», предложили мне представить в письменном виде текст моей защитительной речи. Я отказалась. Меня пытались уговорить, припугнуть тем, что не допустят до участия в процессе. Не помогло. Позднее я узнала, что аналогичную беседу провели и с Диной Каминской. И она реаги-

вала так же, как я.

В своих речах мы требовали оправдать наших подзащитных, и на то были все основания. Приговор, конечно, был обвинительный, и все отбыли полный срок — от и до.

Зачем мне все это было нужно, если неукоснительно следовал обвинительный приговор, если не удавалось ни спасти людей, ни защитить себя? На этот вопрос, пожалуй, точнее всего ответил в своем последнем слове на процессе известный правозащитник Илья Габай. Он сказал: «Я видел такие нарушения прав человека, умолчание о которых мне представлялось равноценным соучастию». Я к тому же считала, что необходимо использовать судебную трибуну, чтобы донести до людей правду, чтобы открыто и во весь голос сказать свободное слово. Конечно, эффект был небольшой, и публика на эти закрытые процессы подбиралась определенная, и залы выбирались маленькие, и вопреки всем законам не разрешали вести никакие записи. Но родственники обвиняемых записывали потом по памяти, передавали записи знакомым — хоть какой-то общественный резонанс это имело. Судебная трибуна была, как ни странно, крайне ограниченной, но хоть какой-то возможностью гласности.

Когда же меня лишили и этой возможности, я вступила в Хельсинкскую группу — это было логичным и естественным для меня продолжением выбранного пути. В один прекрасный день заведующий юридической консульта-

цией, где я работала, сообщил мне, что по приказу начальства мне запрещено выдавать ордера на выступление в судах по политическим делам. Я выразила свой протест председателю коллегии, назвав подобное решение беззаконием. Доброжелательно мне улыбнувшись, он ответил: «Знаю, что незаконно, а вы, Софья Васильевна, пожалуйте на меня».

К ОМУ! Я ушла из адвокатуры, благо возраст был уже солидный. А в 1981 году меня привлекли к уголовной ответственности как члена московской Хельсинкской группы. С момента вступления в нее начались вызовы на допросы, обыски, слежка. Это смешно: нас считали чуть ли не нелегальными, хотя мы не скрывали ни своих имен, ни адресов, ни взглядов. У меня было пять обысков — изымали личные архивы, переписку, фотографии, магнитофонные кассеты, пишущие машинки, сборники стихов Гумилева, Мандельштама, Коржавина. Забрали даже барельеф одного самодельного художника: на нем был изображен осел с бровями Брежнева и весь в медалях, а в углу в овале — портрет Сталина. Следователь сначала долго рассматривал картину Киблицкого — эскиз незаконченной картины «Дача старых большевиков». Она досталась мне от генерала Григоренко, которого я также защищала. Но символика картины оказалась, видимо, непонятной для него. Тогда он забрал барельеф, а в описи зарегистрировал его как портрет Сталина. Как же так, изумилась я, это же портрет осла! Ничего, кроме пишущих машинок и фотоувеличителя, мне до сих пор не вернули.

Меня, правда, не арестовали. Дело висело надо мной годы. И лишь в прошлом году, превратившись в адвоката в собственном процессе, мне удалось добиться его прекращения «за отсутствием состава преступления».

Точная формулировка заслуживает того, чтобы ее процитировать.

«Оценивая собранные доказательства, которыми подтверждается участие Калистратовой в изготвлении и распространении названных документов, и учитывая, что в настоящее время многие из перечисленных в них проблем, в том числе война в Афганистане, высылка А. Д. Сахарова и др., действительно нашли отражение в официальных изданиях и передачах, следует прийти к выводу, что с учетом этих публикаций и изменений в них оценки ряда вопросов внешней и внутренней политики СССР нельзя утверждать, что Калистратовой заведомо для нее распространялись ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. При отсутствии же этого признака в диспозиции ст. 190¹ УК РСФСР в ее действиях отсутствует состав преступления».

Из постановления заместителя прокурора г. Москвы от 9 декабря 1988 г.

КОНЕЧНО, можно было уехать... Не осуждаю никого из моих друзей, кто оказался за границей. Для меня это было просто немислимо. Если бы мне предложили выбор — уехать на Запад или на Восток, я бы выбрала Восток, то есть лагерь. Я помню, как мучительно уезжал, например, наш талантливый литературовед, пушкинист, знаток творчества Блока, Ахматовой Толя Яковсон. Его творчески парализовали, не давали возможности работать, а он сидел в аэропорту, схватившись за голову, и повторял: «Что я делаю? Я уезжаю из России. Да, я еврей, но я русский литератор. Что я без России?» Он покончил с собой. А Юрий Орлов? Недавно он приехал в Союз. Юрий был основателем московской Хельсинкской группы. За это он отсидел 7 лет в лагере. Потом из ссылки его по этапу доставили в Лефортовскую тюрьму, дали свидание с женой и прямо из тюрьмы посадили в самолет и отправили за границу.

Так или иначе каждый из нас, адвокатов, честно защищавших в те годы правозащитников, оказался навсегда связанным с ними биографией, пониманием гражданского долга. Я очень надеюсь, что сегодняшняя адвокатура, перестраивающаяся, приобретающая новое правовое мышление, активно возьмется за работу по реализации права необоснованно осужденных правозащитников в 60—80-е годы — права на полную реабилитацию.

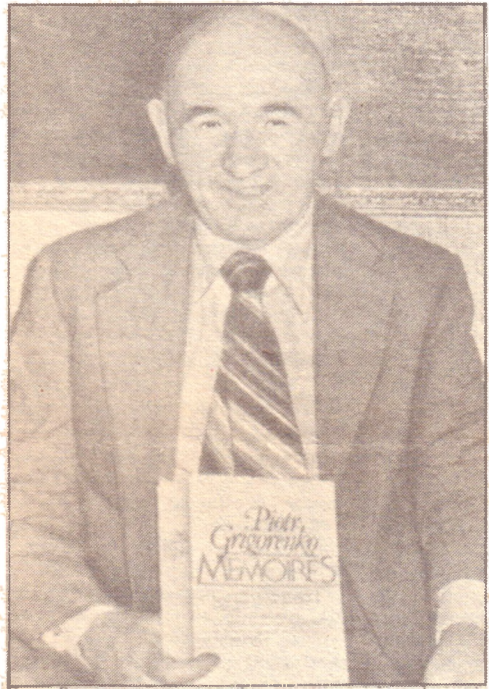
Этот процесс уже начался. Как мне сообщили из Верховного суда Узбекистана, по моей жалобе отменен приговор по делу Илья Габай, и он посмертно полностью реабилитирован. Поэт Илья Габай — видный правозащитник конца 60-х. В 1970 году он был осужден по статье 190¹ и отбыл три года в общих уголовных лагерях. После освобождения в 1973-м покончил жизнь самоубийством, выбросившись с балкона одиннадцатого этажа. Сейчас готовится к печати сборник его стихов.

Софья КАЛИСТРАТОВА.

КОНЕЦ ВОЕННОЙ КАРЬЕРЫ

Первая запись в послужном списке Петра Григоренко датирована 1931 годом, последняя — 1964-м. 33 года отданы армии и лишь последние 16 лет жизни в СССР — правозащитному движению. И тем не менее эта фигура значима именно в контексте 60—70-х, а не 40—50-х, на которые приходится расцвет его военной карьеры. А то, что она была блестящей, признают и друзья, и недруги бывшего генерала. 33 года вобрала в себя учебу в Военно-инженерной академии им. Куйбышева и Академии Генштаба, бои на Халхин-Голе и Дальневосточный фронт, 2-й Прибалтийский и 4-й Украинский фронты. Послужной список прерывается записями «на излечение после ранения». Войну он заканчивает полковником. Потом — работа в Военной академии им. М. В. Фрунзе, присвоение звания генерал-майора и до 12.09.1961 — начальник кафедры оперативно-тактической подготовки в академии.

За пять дней до этой даты генерал поставил точку в своей военной карьере, заявив с трибуны партконференции Ленинского района Москвы, что существует опасность возрождения культа личности. «Есть какие-то недостатки в самой организации постановки всего дела партии, которые позволяют это...» Позднее, когда вполне благополучный в прошлом генерал стал одним из создателей хельсинкских групп на Украине и в Москве, сформировавшейся и заметной фигурой отечественного инакомыслия, он без восторга будет вспоминать то свое высказывание. «Выступление беззубое, поверхностное и не поднимающее главных вопросов», — напишет он в воспоминаниях.

Петр Григоренко с книгой воспоминаний, изданной во Франции.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ

3а «беззубым» выступлением последовали куда более зубастые листовки, которые Григоренко писал вместе с сыновьями и раздавал у проходных заводов. Первая появилась в 1963 году и сообщала о создании «Союза борьбы за возрождение ленинизма». В остальных затрагиваются самые разные закрытые тогда темы: от расстрела в Новочеркасске и Тбилиси до перерождения профсоюзов, от необходимости свободных выборов до сменяемости всех должностных лиц, вплоть до высших. Власти нашли легкий и страшный выход: а генерал-то сдвинулся...

Его арестовали в феврале 1964-го, а уже в апреле комиссия Института судебной психиатрии им. Сербского признала его психически невменяемым. В июне Военная коллегия Верховного суда СССР (в отсутствие «сумасшедшего» в зале суда) постановила: невменяем, принудительное психиатрическое лечение. В том же году его исключили из партии. Сентярем 1964 г. датирована последняя запись в послужном списке Петра Григоренко: «Исключен из списков офицерского состава Вооруженных Сил СССР как дискредитировавший себя и недостойный в связи с этим звания генерала». И — солдатская пенсия в 20 рублей, от которой он отказался.

В «психушку» (ленинградскую спецпсихбольницу) его отправляют как больного, а разжалуют (уже после установления диагноза) как здорового.

Из воспоминаний Петра Григоренко (здесь и далее цитаты по книге «В подполье можно встретить только крыс...»):

«Я все тверже становился на ту точку зрения, что существует секретно узаконенный

«СУМАСШЕДШИЙ» ГЕНЕРАЛ

Штрихи
к портрету
Петра
Григоренко

10 декабря — День прав человека. Трудная это дата для нашей страны: в ней всегда будут сплетаться прошлое, настоящее и будущее народов Советского Союза, людские жизни. Да, мы встали на путь гуманизации общества, но, чтобы идти по нему вперед, нам придется постоянно оборачиваться назад: от чего уходим, много ли пройдено? Попытка дать ответы на эти вопросы и предлагаемый читателям рассказ об одной человеческой судьбе — одной из многих.

«Варварскими акциями сталинского режима явилось выселение в годы второй мировой войны из родных мест балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, турок-месхетинцев, чеченцев... Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик гарантирует, что попрание прав человека и норм гуманности на государственном уровне больше никогда не повторится в нашей стране. Верховный Совет СССР считает необходимым принять соответствующие законодательные меры для безусловного восстановления прав всех советских народов, подвергшихся репрессиям.»

Из Декларации Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». Москва, ноябрь, 1989 год.

«Скоро исполнится четверть века с тех пор, как ваш народ был выброшен из собственных жилищ, изгнан из земли своих предков и загнан в резервации, в такие условия, в которых гибель всей крымско-татарской нации казалась неизбежной... Потеряв 46 проц. своего состава, он начал постепенно набирать силы и вступать в борьбу за свои национальные и человеческие права... Чтобы покончить с ненормальным положением, вам надо твердо усвоить — то, что положено по праву, не просят, а требуют.»

Петр ГРИГОРЕНКО. Из обращения к крымским татарам 17 марта 1967 года. Так изменилась наша жизнь, что крамольные в 1967-м речи опального генерала Петра Григоренко созвучны сегодняшнему покаянию на государственном уровне. Реабилитируя народы сегодня, мы фактически реабилитируем и таких, как Петр Григоренко.

порядок превращения инакомыслящих в сумасшедших. Привлеченные к этому врачи психиатры не заблуждаются, а сознательно совершают преступления... Говорят, что кагебистским является только одно отделение (Института Сербского. — Н. Г.) — то, которое ведет экспертизу по политическим делам. Может ли психиатрическая экспертиза по политическим делам быть объективной, если и следователи, и эксперты подчиняются одному и тому же лицу, да еще связаны и военной дисциплиной?»

НЕСТИ СВОЙ КРЕСТ...

В апреле 1965-го Григоренко вышел на свободу, сделав для себя вывод: в подполье можно встретить только крыс, борьба должна быть открытой. «Тот, кто сейчас хочет бороться с произволом, должен уничтожить в себе страх к произволу, должен взять свой крест и идти на Голгофу. Пусть люди видят, и тогда в них проснется желание принять участие в этом шествии», — напишет он потом. Свое место в этом движении Петр Григоренко занял, отстаивая права крымских татар. В то же время он печатался в «самиздате», выступал против репрессий, обрушившихся на диссидентов, осуждал оккупацию Чехословакии в 1968-м. В его доме на Комсомольском проспекте, как вспоминают друзья, всегда было многолюдно: украинцы и крымские татары, близкие друзья и люди малознакомые.

В конце 60-х ситуация вокруг крымских татар становилась взрывоопасной. Тысячи их съезжали в Симферополь с требованием получения прописки.

Из воспоминаний Петра Григоренко: «Весь день ходил я среди крымских татар... Сердце кровью обливалось при виде этих людей... Надо было видеть это множество полуголых грязных детишек, спящих на цементном полу вокзала и аэропорта... А как тем, кто спит на голой земле в скверах... Жестокая, бездушная власть. В любой демократической стране правительство, создавшее подобную обстановку, не продержалось бы и трех дней... Из вокзала и аэропорта начали выгонять перед рассветом... Пока я жив, не забуду эту картину. Не забуду и не прошу — не только властям, отдавшим такое распоряжение, но и тем простым «советским людям», что согласились выполнять это дикое распоряжение.»

ПОСЛЕДНИЙ АРЕСТ

1989 год, Ташкент, куда Григоренко приехал как общественный защитник на процесс десяти крымских татар, требовавших права жить на родине. Судя по воспоминаниям, вызов на процесс оказался провокацией. 7 мая его арестовали. Адвокатом Григоренко выступа-

ла верный друг его семьи Софья Калистратова.

Софья Калистратова:

«Я вылетела в Ташкент, когда были проведены уже две психиатрические экспертизы. Первая, ташкентская, была амбулаторной и признавала его невменяемым. Вторую провели в Институте им. Сербского. Диагноз — болен.»

Из показаний покойного профессора Лунца в судебном процессе над Григоренко (по записям адвоката Калистратовой — 1970 г.): «Григоренко страдает психическим заболеванием в форме параноического развития личности с болезненными идеями реформаторства, которые в начале развития заболевания носили сверхценный характер и переросли в дальнейшем в бредовые параноические идеи...»

Софья Калистратова:

«Содержали Григоренко в местном изоляторе КГБ, но под охраной специально выписанных для этой цели лейтенантов из Лефортово.»

Все судебное действие проходило в отсутствие «невменяемого». Причем знакомилась я с обвинением по статье 190¹ — распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй. А в зале суда неожиданно выяснилось, что судить его будут по 70-й, ч. 1 — антисоветская агитация и пропаганда (до семи лет лишения свободы). Это чудовищное нарушение закона. И таких на следствии и в суде было 49!

Я требовала назначения контрольной экспертизы в суде, поскольку в деле имелись два противоположных заключения экспертов. Отказ. Я ходатайствовала о вызове в суд всех членов ташкентской экспертной комиссии. Отказ. Вместо этого вызвали Лунца. А потом — лишь одного члена ташкентской комиссии, Детенгофа, который в суде присоединился к заключению Института им. Сербского. Я спросила его: «С момента экспертизы по сей день вы видели Григоренко?» — «Нет». — «Имели в распоряжении дополнительные медицинские документы?» — «Нет». — «Имеете новые свидетельские показания?» — «Нет». — «На чем же основана ваша позиция?» — «Мы ошиблись, а наши московские коллеги нас поправили». А дальше — Черняховская спецпсихбольница за колючей проволокой и обслуга из осужденных уголовников. Потом Белые Столбы, где заведующая отделением лично мне объяснила: «Для нас он прежде всего преступник, а потом уже больной.»

Шесть с половиной из 16 последних лет жизни в стране Петр Григоренко провел в «психушках». И тем не менее в США он напишет: «Я часто задумываюсь, почему мне так тяжело в эмиграции. Я уехал бы на родину, даже если бы знал, что еду прямо в «психиатричку».

Георгий Морозов, в течение 32 лет (с 1957 г.) директор Института им. Сербского, член экспертной комиссии по Григоренко в 1969 г.: «К той ситуации, которая сложилась в стране,

люди относились по-разному. Некоторые — спокойно. Но не Григоренко. Ряд политических вопросов он ставил совершенно правильно — это мы уже с сегодняшних позиций так оцениваем, post factum. Но тогда его за это привлекали к ответственности. И у него развилась паранояльность, сверхценная идея. Когда ситуация разрешалась и он выходил отсюда или уезжал куда-то — все нормализовывалось.

Действительно, за несколько дней до нашей экспертизы в 1969 году амбулаторная судебно-медицинская экспертиза в Ташкенте признала его вменяемым. Но ведь в интервале между двумя экспертизами его держали в заключении. Он на это бурно реагировал и к нам попал уже в параноическом состоянии.

Я хотел бы подчеркнуть: психиатры Института им. Сербского всегда искали истину. За своих людей я отвечаю, хотя знаю, что по стране были отдельные случаи злоупотреблений психиатрией. Я утверждаю также, что никогда КГБ не влияло на диагнозы, которые мы ставили в нашем институте.

А говорить можно все что угодно. В Институте им. Сербского психиатрия не использовалась в политических целях. Кстати, через нас и проходило-то процентов 10 инакомыслящих. Что могло быть? Могли быть диагностические ошибки. Ну, скажем, пять из сотен — но это же еще не политика. Могли быть и различные точки зрения на заболевание. Если и бывали звонки, то не такие: «Признайте человека больным», а с просьбой ускорить дело, которое очень затягивалось. И еще: если бы Григоренко был признан здоровым, то получил бы срок. Есть, по-вашему, разница: сажают человека, особенно по антигосударственным статьям, в зону или — больницу, антисоветчик он или же болен? Хотя мы давали объективную картину.»

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ

В конце 1977 года Григоренко с женой получили разрешение на полугодовую поездку в США к сыну и для лечения. Григоренко нуждался в срочной операции. По мнению сына Анатолия, советским врачам он не доверял, считал, что живым из-под ножа хирурга не выйдет. 13 февраля 1978 года Указ Президиума Верховного Совета СССР за подписью Брежнева и Георгадзе о лишении Григоренко гражданства «за действия, порочащие звание гражданина СССР», закрыл перед бывшим генералом советскую границу.

Круг замкнулся. И, кстати, такое замыкание перечеркивает диагноз светил отечественной психиатрии. Как же мы лишаем гражданства человека за действия, за которые он не несет ответственности как невменяемый?! Через девять лет Григоренко умер в США в возрасте 80 лет. Его вдова живет в Нью-Йорке. В нью-йоркских издательствах изданы его книги.

Мы изменились... Пять лет назад КГБ потребовал от сына Григоренко, Виктора, живущего в Свердловске, сдать одну из книг отца, которая была у него дома. Еще пару лет назад у моих друзей мемуары генерала изымали на советской границе. Но вот в будущем году журнал «Звезда» начнет публиковать «В подполье можно встретить только крыс...» Сегодня можем мы, кающиеся перед народами за попрание их прав, отдать должное тем, кто защищал эти права, не дожидаясь благоприятной политической обстановки. Но разомкнуть круг и снять официальные ярлыки, приклеенные многим советским правозащитникам, все еще не удастся. Это должны сделать те же официальные органы, кому в этом плане принадлежит авторство.

Из ответа Прокуратуры СССР на обращение Анатолия Григоренко по поводу реабилитации отца (1988 г.):

«... Проведение Григоренко П. Г. антисоветской агитации и распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, подтверждены собранными и исследованными доказательствами. Судебно-психиатрической экспертизой... он признан невменяемым. В связи с этим Ваш отец был освобожден от уголовной ответственности и направлен на принудительное лечение... Оснований для принесения протеста... и ЕГО реабилитации не имеется.»

Но разве была наша сегодняшняя жизнь с ее прозрениями, признаниями не основание?

Наталья ГЕВОРКЯН.

АЭРОФЛОТ
СЛУЖБА СЕРВИСА

Аэрофлот доставляет
«Московские новости»
в различные города мира

При перепечатке обязательна ссылка
на «Московские новости».

СССР, 103829, ГСП, Москва, ул. Горького, 16/2. Телефон 229-90-00.

Главный редактор Е. В. Яковлев.

Эксклюзивный представитель «МН» по сбору рекламы во Франции для русского и французского изданий: Media Messages 6, rue Nicolas Appert, allée Verte, 75011, PARIS — Tel [1] 43 55 00 22

moscow
NEWS

Газета подписана в печать
5 декабря 1989 г. Заказ № 4020

ИНДЕКС 50080

4 2 3 4 5 6 7 8 9 10 1

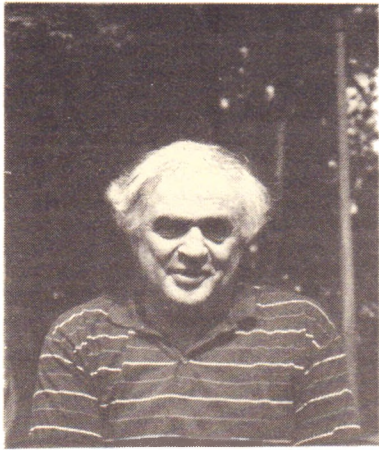
Российский историк Натан Эйдельман

Не потрясения и перевороты
Для новой жизни очищают путь,
А откровенья, бури и щедроты
Души воспламенной чьей-нибудь.

Б. Пастернак

Натан Эйдельман родился в Москве в 1930 году. После окончания исторического факультета Московского университета он шесть лет преподавал историю в одной из московских школ, однако — под давлением обстоятельств — в конце 50-х годов вынужден был оставить педагогическую деятельность. Шесть лет проработал он в разных московских музеях, продолжая глубоко и серьезно заниматься русской историей. Впоследствии — когда его статьи и книги наконец увидели свет — Н. Эйдельман стал одним из самых блистательных и серьезных русских историков (в частности, пушкинской поры).

Н. Эйдельман опубликовал 200 научных исследований и книг (из них — 20 в соавторстве с другими учеными). Последняя из его работ — «Револю-

ция сверху в России» — вышла за несколько месяцев до смерти Н. Эйдельмана.

Выдающийся ученый, человек высокой души, он оставил глубокий след в жизни и истории своей страны.

•••

Прощай, Натан!

Совсем еще молодой, полнотелый, добрый и щедрый, переполненный знаниями, вечно кипящий, громогласный, постоянно ищущий во глубине российской истории сокрытые ее тайны для нашего прозрения. Как нам часто не хватало и не хватало этого прозрения. Как нам теперь будет не хватать этого переливающегося через край пристрастия к нашему прошлому, а значит — к нашему грядущему.

Прощай, Натан, так много успевший сделать для того, чтобы мы не забывали в суете и поспешности нашей жизни, кто мы, из каких глубин вышли, какой груз печали, радости, грехопадений и удач несем на своих плечах, за что мы ответственны перед своей историей, перед Отечеством и друг перед другом.

Прощай, Натан, преподнесший нам образец истинного профессионализма в науке, но профессионализма не книжного, а сердечного.

Трудно будет теперь без твоего решительного баритона, без обворожительного смеха, без сказочной щедрости, с которой ты делился своим мастерством, без твоей яростной доброты и готовности помогать, спасать, просвещать и противостоять злу.

Прощай, Натан!

Москва

БУЛАТ ОКУДЖАВА

•••

В это просто трудно поверить. Совсем недавно, еще этим летом, мы встречались за «Круглым столом» Кельнского клуба, спорили, расходились и снова спорили. Натан, как всегда, даже в своей неправоте был блестящ и непредсказуем. Слушать его, следить за виртуозным полетом его мысли составляло для всех присутствующих, как согласных, так и несогласных с ним, подлинное интеллектуальное наслаждение.

Таким он оставался и в своих книгах. По ним — этим его книгам — по меньшей мере два-три поколения наших соотечественников заново переосмысливали историю России «золотого» девятнадцатого века.

Через «Лунина», «Пушкина и декабристов», «Тайных корреспондентов „Полярной звезды“», «Герцена против самодержавия», «Твой девятнадцатый век» — через все эти книги мы вместе с их автором возвращались к истокам нашей новейшей истории, и он, этот девятнадцатый век, становился действительно «нашим», так много общего — проблем, идеалов и чувств — оказывалось у нас с нашими именитыми предшественниками.

Натан Эйдельман ярко выделялся среди коллег-современников счастливым даром заинтересованного общения с собеседником. Раз

говаривать с ним означало не только выслушать, но и быть чутко выслушанным, и поэтому искренних друзей у него всегда было больше, чем серьезных врагов.

К нему как нельзя естественнее относятся прощальные слова, написанные им самим в память одного из ближайших друзей в предисловии к книге «Въеварум»:

Он «...как с давних времен принято говорить о моряках, ушел в тот последний рейс, из которого нет возврата. Это был самый хороший человек, которого я знал, и его нет на свете».

Прощай, наш добрый и мудрый наставник!

«КОНТИНЕНТ»

Париж

Телеграмма

Дорогая Юлия.
Испытываю страшное горе. Потеря Натана касается всех нас лично, и России, и Запада, и друзей, и науки. Молю за Вас с любовью. Все мы с Вами.
Всегда Ваша
КОРНЕЛИЯ-ИРИНА ГЕРСТЕНМАЙЕР

Бонн

Наш защитник, наш друг

В Москве в ночь на 5 декабря скончалась
Софья Васильевна Калистратова

В недавнем интервью в «Огоньке» Семен Глузман сказал о том, что от Софьи Васильевны Калистратовой получил документацию, которая позволила ему провести заочную психиатрическую экспертизу П.Г. Григоренко. Думаю, сейчас, над ее гробом, можно и нужно сказать еще о многом, что делала Софья Васильевна и что до сих пор было известно лишь немногим — тем, кто получал от нее помощь, по существу, подпольно.

Ее открытая деятельность защитника на политических процессах широко известна: мне самой выпала честь быть ее подзащитной, и если ей не удалось спасти меня от спецпсихбольницы, то запись процесса, появившаяся в «Хронике текущих событий», и где-то хранящиеся судебные протоколы показывают, как она боролась за меня и за справедливость, как своими вопросами и ходатайствами заставляла суд и экспертов саморазоблачаться, показывать себя в их истинном облике служителей произвола.

Бывало, ее спрашивали, зачем она так старается: не для судей же, когда приговор предрешен, не для публики, когда она за дверью. — Софья Васильевна говорила, что пусть правда сохранится хотя бы в протоколах, или, например, про мой суд: «...для одного заседателя», — в котором ей почувствовался человеческий интерес к делу. А однажды (дело Яхимовича) ей удалось и заставить суд отказаться от своей роли, пусть не до конца (суд послал Яхимовича на новую экспертизу, но не заслал, как было велено, в психиатрическую тюрьму), а прокурора-женщину — рыдать после окончания суда и клясться, что никогда больше, никогда...

Но все это, с большими или меньшими подробностями, известно. В ее жизни конца 60-х — начала 70-х годов было и другое. Достаточно сказать, что без ее прямого участия не были бы такими полными ни запись процесса Виктора Хаустова в книге Павла Литвинова «Дело о демонстрации на Пушкинской площади», ни запись суда над демонстрантами и касационного разбирательства в моем «Полдне», ни документация Владимира Буковского о психиатрических пре-

следованиях по политическим причинам.

С «Полднем», казалось бы, дело обстояло легче, чем обычно: на «открытый» процесс допустили по пропускам много родственников, и, хотя делать записи было вообще запрещено, а, случалось, их отбирали, все-таки очень многое было записано и сохранено. Тем большей оказалась вероятность ошибок и путаницы при восстановлении хода суда по разрознен-

но пускали в ход полученные знания, ловили судей и следователей на малейшем процедурном нарушении. Но она же как-то сказала: «В сравнении с уголовными, ваши суды проходят еще, можно сказать, с идеальным соблюдением УПК. Если бы знали, что делают с уголовниками...» Многие ее рассказы были подтверждением этого.

Все мы, общавшиеся с Софьей Васильевной, мечтали быть ее подза-

С.В.Калистратова и П.Г.Григоренко. Москва, 1977 г.

щитными. (В том, что сядем, раньше или позже, не сомневались — и не ошиблись.) К ней, в эту комнату на Воровского, я пришла и 23 августа — сказать, что мы идем в воскресенье на демонстрацию. Не договориться с адвокатом пришла, а человеку, к которому испытывала величайшее доверие, сказать о самом важном, что мне предстояло. Она вздохнула грустно и скептически, дала несколько практических советов, а потом мы опять пили чай.

От нее же я узнала и некоторые детали своего первого акта экспертизы, а уж второй, по которому меня судили, попал в документацию Буковского.

Из того, что я рассказала, видимо, не ясно самое важное: это были не «деловые», а, несмотря на разницу лет, дружеские отношения. Прийти за такой помощью было нетрудно только после многих вечеров, проведенных в ее комнате коммунальной квартиры на Воровского, за чаем, под ее захватывающие рассказы из юридической практики, под ее нередко скептическим, полезно охоложивающим взглядом. Она была нашим юридическим наставником, и мы усилен-

но испытывала величайшее доверие, сказать о самом важном, что мне предстояло. Она вздохнула грустно и скептически, дала несколько практических советов, а потом мы опять пили чай.

А потом, куда позже, не посаженная сразу с остальными, я все-таки села, и Софья Васильевна меня защищала, и они подружились с моей мамой, и так уже и дружили после моего отъезда, когда меня давно уже ни от кого не надо было защищать...

А теперь вот — нет больше Софьи Васильевны.

Н.ГОРБАНЕВСКАЯ

Адвокатский вальс

С.В.Калистратовой

Конечно, усилила тщетны,
И им не вдолбить ничего.
Предметы для них беспредметны,
А белое — просто черно.

Судье заодно с прокурором
Плевать на детальный разбор.
Им лишь бы прикрыть разговором
Готовый уже приговор.

Скорей всего надобно просто
Просить «представительный суд»
Дать меньше по 190-ой,
Чем то, что, конечно, дадут.

Откуда ж берется охота,
Азарт, неподдельная страсть
Машиной доказывать что-то,
Властям корректировать власть.

Серьезные взрослые судьи —
Седины, морщины, семья.
Какие же это орудия —
Такие же люди, как я.

Ведь правда моя очевидна,
Ведь белые нитки видать,
Ведь людям должно же быть стыдно
Таких же людей не понять.

О, правое русское слово —
Луч света в кромешной ночи.
И все будет вечно хреново —
И все же, ты вечно звучи!

ЮЛИЙ КИМ

Москва, 1965

Y M C A - P R E S S

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, 75005 Paris. Tél.: 43.54.74.46

ВСЕРОССИЙСКАЯ МЕМУАРНАЯ БИБЛИОТЕКА
Основана А.И.Солженицыным

Серия: НАШЕ НЕДАВНЕЕ, вып.10

Кн. СЕРГЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ
(1890-1949)

МИНУВШЕЕ

Старший сын философа Евгения Трубецкого рассказывает о своем детстве и отрочестве, о тайных антибольшевистских организациях, в которых он участвовал вплоть до ареста в 1920 г. и высылки (в 1922 г.) за границу.

308 стр.

100 фр.

В той же серии вышли:

Вып.1. Н.В.Волков-Муромцев. Юность. От Вязьмы до Феодосии. 1984. 426 стр.	100 фр.
Вып.2. Н.А.Кривошеина. Четыре трети нашей жизни. 1984. 282 стр.	150 фр.
Вып.3. О.А.Хрептович-Бутенева. Перелом (1939-1942). 1984. 236 стр.	100 фр.
Вып.4. А.В.Герасимов. На лезвии с террористами. 1985. 208 стр.	100 фр.
Вып.5. Кн.Е.Н.Сайн-Витгенштейн. Дневник (1914-1918). 1986. 300 стр.	120 фр.
Вып.6. Ф.Я.Черон. Немецкий плен и советское освобождение. — И.А.Лугин. Поглотка свободы. 1987. 300 стр.	100 фр.
Вып.7. П.Н.Палий. В немецком плену. Н.В.Вашенко. Из жизни военнопленного 1942-1945. 1987. 300 стр.	100 фр.
Вып.8. В.А.Оболонский. Моя жизнь, мои современники. 1988. 756 стр.	150 фр.
Вып.9. Н.В.Палибин. Записки советского адвоката. 1989. 206 стр.	100 фр.

Заказы направлять по адресу: LES ÉDITEURS RÉUNIS — 11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève. 75005 Paris. France.

«Les destins de Leonid Andreyev»

Леонид Андреев. «Судьбы»

Выставка цветных фотографий,
сделанных писателем в начале века.

Открыта с 6 декабря 1989 по 14 января 1990

Comàtoir de la photographie.

Cour du Bel Air — 56, rue du Fbg.St.Antoin, 7512 Paris.